

Юрислингвистическая конвергенция и семантические ловушки суггестивного воздействия лжецелителей

Р. Б. Асадов

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Студенческая, 8, 600005, Владимир, Россия. E-mail: asadov@npzhdialog.ru*

Предметом исследования являются манипулятивные речевые стратегии, применяемые лжецелителями в процессе суггестивного воздействия на граждан, а также их правовые последствия в контексте современной российской практики противодействия мошенничеству. Исследование сосредоточено на механизмах суггестии, которые формируют у адресата искаженную картину реальности, подчиняют его поведение коммуникативным моделям, сконструированным исполнителем, и реализуются через комплекс семантических ловушек. Оно охватывает лексические, семантические и прагматические характеристики соответствующих текстов, определяющих структуру речевого влияния и направленность восприятия. Особое внимание уделено юридической оценке таких воздействий, включая сложность доказывания умысла, установления причинно-следственной связи между речевым давлением и наступившим имущественным ущербом, а также выявления маркеров, значимых для квалификации деяний по ст. 159 УК РФ.

Методология исследования опирается на юрислингвистический анализ, включающий когнитивно-дискурсивный подход, элементы психолингвистики, сравнительно-правовой метод и лингвопрагматическое описание суггестивных стратегий, выявляемых в судебной и коммуникативной практике.

Научная новизна исследования состоит в обосновании юрислингвистической конвергенции как методологической рамки анализа манипулятивных речевых стратегий лжецелителей, основанных на суггестивных механизмах и формирующих у адресата когнитивно искаженное восприятие риска и доступных возможностей. В работе впервые предложена комплексная типология языковых и прагматических маркеров, значимых для квалификации действий по ст. 159 УК РФ, а также сформулированы критерии, позволяющие отграничить суггестивное воздействие, реализуемое посредством семантических ловушек, от традиционных форм обмана. Сделан вывод о необходимости учитывать динамику речевого давления и эмоционально-психологические факторы при оценке умысла и общественной опасности деяния. Подчеркивается практическая значимость развития юрислингвистической экспертизы и совершенствования правового регулирования, направленного на выявление и пресечение псевдолечебной деятельности, использующей внушение и семантические ловушки как средство получения имущественной выгоды.

Ключевые слова: юрислингвистическая конвергенция, юрислингвистика, речевая манипуляция, суггестия, лжецелительство.

Jurilinguistic Convergence and Semantic Traps of Suggestive Influence Used by Fraudulent Healers

R. B. Asadov

*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
8 Studencheskaya St., 600005, Vladimir, Russia. E-mail: asadov@npzhdialog.ru*

The study examines manipulative speech strategies employed by fraudulent healers in the process of exerting suggestive influence on individuals, as well as their legal consequences within the context of contemporary Russian practices aimed to deter fraud. The analysis focuses on mechanisms of suggestion that construct a distorted picture of reality for the addressee, subordinate their behavior to communicative models designed by the perpetrator, and operate through a complex of semantic traps. The research encompasses the lexical, semantic, and pragmatic characteristics of relevant texts that define

the structure of verbal influence and the targeting of perception. Special attention is given to the legal assessment of such influence, including the challenges of proving criminal intent, establishing a causal connection between verbal coercion and resulting pecuniary damage, and identifying markers significant for the qualification of acts as fraud under Russian criminal law.

The study's methodology relies on a jurislinguistic analysis that incorporates a cognitive and discursive approach, elements of psycholinguistics, the comparative-legal method, as well as a linguistic and pragmatic description of suggestive strategies exposed in judicial and communicative practice.

The scientific novelty of the research lies in substantiating jurislinguistic convergence as a methodological framework for analyzing manipulative speech strategies used by fraudulent healers, based on suggestive mechanisms that shape a cognitively distorted perception of risk and available options. It is the first time a paper has proposed a comprehensive typology of linguistic and pragmatic markers relevant for the qualification of such actions as fraud under Russian criminal law, and has developed criteria for distinguishing suggestive influence – realized through semantic traps – from traditional forms of deception. The study concludes that assessments of intent and social danger must take into account the dynamics of verbal coercion, emotional and psychological factors. The work emphasizes the practical significance of developing jurislinguistic expertise and improving legal regulation aimed at identifying and deterring pseudo-therapeutic activities which involve suggestion and semantic traps for financial gain.

Key words: jurislinguistic convergence, jurislinguistics, speech manipulation, suggestion, fraudulent healing.

Введение

Феномен манипулятивных стратегий, применяемых лжецелителями и иными субъектами парамедицинской сферы, демонстрирует сложное сочетание языковых и правовых механизмов, требующее анализа в рамках юрислингвистической конвергенции – междисциплинарного подхода, объединяющего когнитивные, аксиологические и нормативные параметры речевой деятельности. В отечественной доктрине обоснованно подчеркивается, что взаимодействие права и языка не сводится к техническому обслуживанию нормотворчества: оно задает рамки интерпретации социальных практик, включая коммуникацию лиц, эксплуатирующих доверие граждан посредством суггестивных техник [Асадов 2025: 1–18]. Лжецелительство как социально-правовой феномен особенно наглядно проявляет эту взаимосвязь: здесь псевдомедицинский дискурс маскирует манипулятивное содержание, а внушающее воздействие подается как квазипрофессиональное консультирование.

Нарастающий интерес к проблематике речевой манипуляции в юриспруденции обусловлен расширением спектра деяний, совершаемых преимущественно вербальным способом. Российская криминалистика сталкивается с ситуацией, когда традиционные представления о составе преступления требуют пересмотра ввиду использования психотехник, нацеленных не столько на прямое введение в заблуждение, сколько на формирование эмоционально-когнитивной зависимости. М. И. Парасуцкая справедливо отмечает, что юридизация суггестии предполагает четкое разграничение между манипуляцией, основанной на языковом конструировании альтернативной картины реальности, и обманом как элементом объективной стороны мошенничества [Парасуцкая 2009: 69–70]. Это различие принципиально для квалификации действий лжецелителей, чьи речевые стратегии нередко балансируют между недобросовестным влиянием и уголовно наказуемым хищением.

Суггестивная природа коммуникативных техник лжецелителей объясняет устойчивость их воздействия даже при минимальной информативности высказываний. Показано, что в юридически значимых ситуациях внушение опирается на комплекс паралингвистических и психологических механизмов – от ритмизации речи до построения семантических ловушек, создающих иллюзию экспертного знания [Катермина, Сафронова 2017: 142–152]. В результате формируется специфический тип коммуникации, приобретающий правонарушающий характер, в которой решающим становится не объем передаваемой информации, а способность высказываний запускать у адресата некритичное принятие псевдомедицинских утверждений, воспринимаемых как объективные и авторитетные.

Выбор темы исследования обусловлен необходимостью системного анализа речевых механизмов, формирующих суггестивный потенциал лжецелительства и связываемых с существенными юридическими рисками. Лжецелители используют дискурсивные модели, которые, с одной стороны, эксплуатируют социальную уязвимость граждан, а с другой – создают сложности для правоприменителя, вынужденного определять границы между административной и уголовно-правовой ответственностью. З. Р. Салаев справедливо отмечает, что мошенничество в форме оккультных и психологических услуг осложнено трудностью установления причинно-следственной связи между внушающим воздействием и имущественным ущербом [Салаев 2019: 171–175]. Поэтому особенно востребован комплексный юрислингвистический анализ, позволяющий выявить ключевые маркеры манипуляции, релевантные для квалификации деяния и оценки его общественной опасности.

Понимание манипулятивного воздействия лжецелителей невозможно без обращения к категории «речевого мошенничества», которое в отечественной юрислингвистике рассматривается как система коммуникативных действий, направленных на побуждение адресата к решению, противоречащему его действительным интересам. Б. И. Осипов одним из первых выделил речевое мошенничество в самостоятельную форму противоправного поведения, указав, что его основой является не столько фактическая ложь, сколько создание искусственной семантической рамки, ограничивающей возможность рационального выбора [Осипов 2000: 182–186]. Это наблюдение особенно значимо для анализа стратегий лжецелителей, систематически формирующих у граждан

убежденность в наличии «скрытых угроз» – порчи, негативной энергии, «лечебных кодов» и иных псевдонаучных конструкций.

Разграничение речевой манипуляции и речевого мошенничества остается предметом научной дискуссии, поскольку их проявления нередко сближаются на уровне коммуникативной техники. Манипуляция не всегда преследует цель личного обогащения, тогда как мошенничество предполагает имущественный результат и умысел на введение в заблуждение [Осипов 2007: 216–221]. Лжецелительство демонстрирует гибридный характер: суггестия, внедрение ложных установок и использование псевдотерминологии становятся инструментом извлечения выгоды. Это структурное слияние создает внутреннюю правовую проблему: конструкция мошенничества в Уголовном кодексе РФ ориентирована на объективируемый обман, тогда как в практике лжецелителей решающим оказывается именно суггестивный компонент, трудный для фиксации и доказывания.

По мере развития юрислингвистики все более очевидным становится, что основой манипулятивного воздействия выступает не столько прямое искажение информации, сколько использование языковых средств, задающих адресату определенный эмоционально-когнитивный режим восприятия. В. А. Мишланов отмечает, что манипулятивные тексты характеризуются особой семантической организацией: неопределенными референтами, модальными конструкциями, эвфемизмами, апелляцией к псевдоэкспертности [Мишланов 2007: 203–216]. Лжецелители последовательно выстраивают именно такие семантические ловушки, создавая высказывания, насыщенные неопределенными, но убедительно звучащими понятиями («энергетический блок», «кармическая патология») и структурируя коммуникацию так, чтобы интерпретации исполнителя воспринимались как единственно возможные.

Наряду с лингвистическим описанием суггестивных механизмов необходимо учитывать результаты исследований институциональных видов дискурса. Т. С. Сафронова, анализируя вступительные речи прокуроров, показывает, что внушающий эффект достигается сочетанием оценочной лексики, риторических вопросов, интонационных акцентов и апелляции к ценностным ориентирам аудитории [Сафронова 2017: 136–141]. Этот вывод в полной мере относится и к лжецелителям, активно использующим моральные, экзистенциальные и семейные мотивы для формирования доверительной атмосферы, в которой снижается критичность восприятия. Изучение суггестивного потенциала их речевых стратегий, а также создаваемых ими семантических ловушек требует комплексного подхода, объединяющего юридическую оценку содержания высказываний и лингвистический анализ механизмов воздействия.

Постановка проблемы

Рассматривая речевые стратегии лжецелителей в более широком социально-коммуникативном контексте, важно учитывать, что их воздействие нередко опирается на дискурсивные модели, родственные религиозному и оккультному типам коммуникации. В этих сферах, как отмечает Е. А. Худышкина, речевое влияние строится через создание символического пространства, в котором адресату предлагается готовая интерпретация мира и собственной роли в нем [Худышкина 2015: 92–95]. Лжецелители используют сходный механизм: апеллируют к базовым темам – страху болезни, тревоге за близких, стремлению к контролю над жизнью. Тем самым они формируют у граждан ощущение зависимости от «знания» или «сил» исполнителя и подчиняют поведение адресата заранее сконструированной модели. С правовой точки зрения такие речевые конструкции размывают границу между добровольностью и вынужденностью принятия решений, что осложняет квалификацию действий лжецелителей.

Суггестивные механизмы в коммерческих коммуникациях также демонстрируют значимые параллели с лжецелительским дискурсом. Исследования рекламных текстов показывают, что внушающий эффект нередко достигается не прямыми обещаниями, а ценностно нагруженными формулами, имитирующими экспертность и вызывающими доверие к источнику сообщения. Е. С. Кара-Мурза подчеркивает, что законодательная регламентация рекламы вынуждена учитывать семиотическую сложность подобных сообщений, поскольку они создают иллюзию объективности при минимальном фактическом содержании [Кара-Мурза 2008: 163–175]. В коммерческой сфере такие стратегии частично сдерживаются требованиями к достоверности информации, тогда как в коммуникации лжецелителей они часто остаются в «серой зоне», где внушающие тексты формально не содержат лжи, но создают у адресата искаженное представление о рисках и возможностях.

Отдельного внимания заслуживает правовой статус оккультных и «магических» услуг. К. Б. Ерофеев справедливо отмечает, что действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих деятельность лиц, предлагающих подобного рода услуги, что формирует заметные пробелы в правоприменении [Ерофеев 2013: 89–93]. В результате граждане фактически остаются без надлежащей защиты, а доказательственная база по делам о мошенничестве существенно осложняется: лжецелители ссылаются на субъективный характер своих практик, избегают проверяемых утверждений, формально не нарушая прямых запретов, но вводя граждан в заблуждение. Отсутствие специального правового режима придает особое значение юрислингвистическому анализу, позволяющему выявлять манипулятивные элементы коммуникации и устанавливать их связь с имущественным ущербом.

Системная неопределенность статуса лжецелительства подчеркивается и в работах А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской, указывающих на противоречие между необходимостью обеспечивать свободу вероисповедания и обязанностью государства защищать граждан от недобросовестных практик [Жалинский, Козловская 2006: 60–64]. Это противоречие требует взвешенного подхода: с одной стороны, недопустимы чрезмерные ограничения убеждений и традиций, с другой – необходимо учитывать реальную общественную опасность деятельности лжецелителей, использующих внушающее воздействие для извлечения выгоды. Поэтому исследование суггестивного потенциала их речевых стратегий должно включать не только лингвистический и психологический анализ, но и оценку правовых

последствий, формируя основу для уточнения подходов к квалификации соответствующих деяний и разработки профилактических мер.

Основная часть

Переходя к анализу суггестивных стратегий лжецелителей, следует отметить, что их влияние формируется в многоуровневом коммуникативном пространстве, где языковые средства тесно связаны с психологическими и ситуативными факторами. Такие исполнители сравнительно редко прибегают к прямому обману в традиционном юридическом смысле; напротив, они выстраивают последовательность коммуникативных ходов, подводящих адресата к выводу о необходимости «лечения» или приобретения соответствующих услуг. И. И. Нагорная справедливо указывает, что деятельность лжецелителей опирается на эксплуатацию витальных страхов – болезни, потери близких, угрозы «порчи» – и формирует особый тип доверительной зависимости, при котором решение гражданина утрачивает признак свободного волеизъявления [Нагорная 2011: 197–199.]. В результате основным объектом воздействия становится не рациональная оценка информации, а эмоционально-экзистенциальная сфера личности.

Стратегии речевого воздействия формируют устойчивую модель роли, в которой лжецелитель позиционирует себя как единственный носитель сакрального или «ненаучного, но эффективного» знания. Это соответствует классическому механизму манипуляции, описанному С. Г. Кара-Мурзой, который подчеркивает способность манипулятора конструировать альтернативную картину реальности и подменять когнитивные ориентиры адресата [Кара-Мурза 2004]. Соответствующие семантические ловушки создаются посредством псевдотерминологии, ритуализированных форм общения и утверждений, не поддающихся проверке («у вас перекрыт энергетический поток», «на вас поставлена программа»). Данные высказывания не претендуют на доказательность, но за счет внутренней связности формируют иллюзию экспертной системы, внутри которой адресат принимает навязанные правила интерпретации, не прибегая к критическому анализу.

Особое значение имеет вопрос о том, как именно организуется процесс речевого воздействия, обеспечивающий постепенное внедрение внушаемых установок. Г. А. Копнина отмечает, что речевая манипуляция строится на чередовании фаз «сближения» и «давления»: на первом этапе у адресата формируется эмоциональный комфорт и ощущение «понимания» со стороны манипулятора, на следующем – вводятся тревожные элементы, устранение которых якобы возможно лишь посредством предлагаемых им услуг [Копнина 2008]. Подобная структура коммуникации прослеживается и в делах о мошенничестве с участием лжецелителей: первоначальные консультации имеют «диагностический» характер, создают впечатление заботы и компетентности, а последующие этапы сопровождаются навязыванием дорогостоящих ритуалов. Это позволяет говорить о двухуровневой модели внушающего воздействия: когнитивной – основанной на конструировании авторитета, и эмоциональной – на искусственном формировании угрозы.

Существенный вклад в понимание манипулятивной природы лжецелительства вносит политическая лингвистика, изучающая динамику речевого воздействия в условиях неравной коммуникативной позиции. О. Л. Михалева подчеркивает, что манипуляция опирается на асимметрию знаний и статусов: адресат воспринимает источник сообщения как более информированного и компетентного, что делает его особенно уязвимым к внушению [Михалева 2009]. У лжецелителей эта асимметрия доводится до предела: гражданин сталкивается с субъектом, претендующим на доступ к «скрытому знанию», недоступному «обычным» людям. В результате адресат часто не в состоянии распознать отсутствие реальных компетенций у исполнителя и критически оценить создаваемые семантические ловушки. Возрастает значение лингвистической экспертизы как инструмента установления фактов манипулятивного воздействия и его роли в механизме преступления.

Лингвистические особенности высказываний лжецелителей позволяют выделить устойчивый набор маркеров суггестивного воздействия. К ним относятся неопределенные, но эмоционально нагруженные выражения, создающие иллюзию глубинного знания о проблемах адресата. Исследования показывают, что манипулятивный текст системно формирует у реципиента ощущение персонализированного общения, хотя фактически опирается на универсальные, легко адаптируемые формулы. В рекламных текстах подобные механизмы служат выстраиванию доверительной модели общения, основанной на скрытом внушении и эмоциональной гармонизации [Порческу, Бабушкина, Милкова 2024: 166–212]. В лжецелительской коммуникации эти стратегии превращаются в псевдодиагностику: многозначные высказывания о «негативной энергии» или «блокировке жизненных потоков» производят эффект адресности при отсутствии объективного содержания.

Построение суггестивных высказываний нередко опирается на специализированную псевдонаучную терминологию, выполняющую две взаимосвязанные функции: создает впечатление экспертности источника и затрудняет критическое восприятие информации, поскольку усложненный язык воспринимается как признак знания. В классических работах по манипуляции подчеркивается, что подобные стратегии формируют эпистемическую зависимость: реципиент утрачивает способность к самостоятельному суждению и начинает опираться исключительно на интерпретации манипулятора [Беляева 2009]. У лжецелителей это выражается в конструировании замкнутой семантической системы: введенные термины («кармический узел», «очищение поля», «энергетическое сканирование») не только лишены связи с медицинскими фактами, но и автономны от внешних критериев проверки, что существенно осложняет их оценку с юридической точки зрения.

Помимо лексических и семантических средств важную роль в суггестивном воздействии играет прагматическая организация коммуникации, ориентированная на создание доверительной атмосферы. Л. М. Месропян отмечает, что агрессивное манипулирование формируется не только за счет лексики, но и посредством особой стратегии общения,

при которой взаимодействие выстраивается как эмоционально насыщенный диалог с быстрыми ответными репликами адресата [Месропян 2014]. Такая динамика лишает граждан возможности взвесить ситуацию, создавая когнитивное давление. В делах о лжецелителях это проявляется в форме интенсивных «консультаций», где адресату предлагается немедленно принять решение – приобрести амулет, провести ритуал, оплатить «очищение». Временной прессинг становится ключевым признаком манипуляции, поскольку направлен на минимизацию когнитивного контроля и усиление подчиненности.

С точки зрения правоприменения лексические и прагматические признаки речевого воздействия обладают самостоятельным доказательственным значением, поскольку позволяют квалифицировать действия лжецелителей как мошенничество или иные преступления против собственности. Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что мошенничество связано с использованием доверия потерпевшего, а умысел может проявляться через особенности речевого поведения субъекта [Лопашенко 2012]. Когда воздействие строится не на прямом сообщении заведомо ложных сведений, а на внушении и семантических ловушках, доказательство преступного умысла требует выявления системности манипулятивных высказываний, их направленности на формирование искаженного представления о действительности и связи между внушающими формулами и имущественными действиями потерпевших. В этих условиях юрислингвистическая экспертиза становится ключевым инструментом реконструкции механизма речевого воздействия и установления того, был ли рассчитан такой дискурс на получение выгоды посредством давления на адресата.

Судебная практика по делам о лжецелителях демонстрирует устойчивую модель речевого поведения, в которой суггестия выступает ключевым инструментом побуждения граждан к передаче имущества. Манипулятивные стратегии, характерные для лидеров общественного влияния, строятся на сочетании эмоционального давления и псевдологической аргументации, формирующих у адресата иллюзию необходимости совершения определенных действий. В делах о лжецелительстве этот механизм используется для создания ощущения «неотложности» вмешательства.

Так, в одном из приговоров московских судов установлено, что злоумышленники убеждали потерпевших в наличии «смертельной порчи», требующей немедленного проведения дорогостоящего ритуала, что фактически лишало граждан возможности осмыслить ситуацию и критически оценить предлагаемые услуги [В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов URL]. Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, указав, что речевое воздействие имело системный характер и было направлено на формирование ложного представления о рисках и «необходимых» мерах.

Анализ материалов уголовных дел показывает, что речевые стратегии лжецелителей строятся на поэтапном усилении психологического давления. Часто реализуется своего рода «модель эскалации угроз»: первоначальное обращение содержит мягкие эвристические формулы («в вашем поле наблюдается дисбаланс»), тогда как последующие контакты сопровождаются конструированием экзистенциальных опасностей («вам грозит гибель близкого человека»). Такая последовательность задает семантические ловушки, в которых адресат постепенно принимает навязанную картину угрозы как реальность.

В деле Г. П. Грабового, одном из наиболее известных примеров злоупотребления доверием граждан посредством внушающих коммуникаций, суд установил, что обвиняемый использовал идею «воскрешения умерших» как основу манипулятивной схемы, нацеленной на эмоционально уязвимых лиц [С целителем Грабовым чуда не произошло URL]. Несмотря на уникальность содержания, структура воздействия соответствует типовой модели речевого мошенничества: создается угроза или проблема, устранение которой возможно исключительно через предлагаемые услуги, что и послужило основанием для квалификации действий по ст. 159 УК РФ.

Аналогичным образом выстраивалось речевое воздействие в делах о «лечении рака водой из-под крана» и «снятии порчи» за значительные суммы денег. В одном из решений суд установил, что обвиняемая системно убеждала потерпевшую в наличии тяжелого заболевания, которое «не поддается традиционной медицине», и предлагала оплатить многочисленные «сеансы очищения водой», не обладавшие ни медицинским, ни бытовым смыслом [Дело осужденной «целительницы» URL]. В другом деле лжецелительница уверяла потерпевших, что обладает «уникальной способностью возвращать утраченные чувства», и требовала многократных платежей за «ритуалы воссоединения» [Суд утвердил приговор «целительнице» URL].

Суды указали, что подобные высказывания не только вводили граждан в заблуждение относительно действительных обстоятельств, но и формировали устойчивую психологическую зависимость, что свидетельствует о наличии умысла, направленного на использование доверия и эмоциональной уязвимости потерпевших.

Особое значение для квалификации действий лжецелителей имеют дела, в которых речевое воздействие сочетается с продолжительным психологическим контролем над потерпевшими. Так, в одном из дел, рассмотренных судом Краснодарского края, обвиняемая не ограничивалась отдельными внушающими высказываниями, а вела постоянную коммуникацию с потерпевшей, последовательно укрепляя убеждение в неизбежности негативных последствий при отказе от ритуалов [На Кубани лжецелительницу посадили URL]. Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, особо отметив длительность и системность воздействия. Для юрислингвистического анализа этот подход принципиален: он показывает, что манипулятивное влияние следует оценивать не фрагментарно, а в динамике, поскольку именно последовательность речевых актов формирует эффект внушения, значимый для установления умысла и причинно-следственной связи между коммуникацией и имущественными потерями.

Юридическая квалификация действий лжецелителей требует обращения к нормативным актам, регулирующим как медицинскую деятельность, так и защиту имущественных интересов граждан. Ключевым инструментом

правоприменения выступает ст. 159 УК РФ, определяющая мошенничество как хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. В отношении лжецелителей обман нередко носит опосредованный, суггестивный характер: речевые действия не всегда содержат объективно проверяемые ложные сведения, но создают у адресата искаженную картину действительности. Это порождает специфическую доказательственную проблему: следствию необходимо установить, каким образом последовательность высказываний сформировала у потерпевшего ожидание угрозы или надежды, побудившее его к передаче имущества. Подобный подход соответствует современной тенденции учитывать психологический характер вербальных преступлений и требует методологии, объединяющей лингвистический и юридический анализ.

Существенное значение при оценке лжецелительства имеет законодательство об охране здоровья граждан. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет исчерпывающий перечень лиц, имеющих право осуществлять медицинскую деятельность, и условия ее легитимности. Лжецелители, представляющие свои действия как лечение, нарушают эти требования, не обладая ни соответствующей квалификацией, ни лицензией. Однако на практике они нередко уходят от квалификации по нормам о незаконной медицинской деятельности, маскируя свои услуги под «энергетические практики», «духовное исцеление» или «ритуальные действия». Отсутствие нормативного определения подобных услуг затрудняет правоприменение и приводит к тому, что ст. 159 УК РФ становится основным средством реагирования. При этом комплексная оценка деятельности лжецелителей позволяет рассматривать ее не только как посягательство на имущество граждан, но и как фактор риска для общественного здоровья, поскольку суггестивные (внушающие) коммуникации могут препятствовать своевременному обращению граждан за квалифицированной медицинской помощью.

Законодательство о защите прав потребителей также имеет существенное значение для анализа правовых рисков, связанных с деятельностью лжецелителей. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» возлагает на исполнителя обязанность предоставлять достоверную информацию о свойствах и характеристиках услуги. Псевдолечебные практики нарушают данный принцип, поскольку заявляемые результаты («снятие порчи», «излечение неизлечимых болезней», «воскрешение») не поддаются объективной проверке. Более того, сама структура коммуникации лжецелителей изначально ориентирована на введение потребителя в заблуждение относительно характера предлагаемой услуги: соответствующие обещания опираются не на проверяемые факты, а на суггестивное воздействие и создание семантических ловушек. Хотя споры с лжецелителями сравнительно редко становятся предметом гражданского судопроизводства – потерпевшие чаще обращаются в правоохранительные органы, – потенциал применения потребительского законодательства остается значительным, прежде всего в части компенсации морального вреда и признания недействительными сделок, совершенных под влиянием обмана.

Особую сложность представляет оценка публичных коммуникаций лжецелителей, осуществляемых через рекламу, социальные сети, сайты и мессенджеры. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» прямо запрещает распространение сведений, способных вводить в заблуждение, а также обещание результатов, не имеющих научного подтверждения. Тем не менее лжецелители используют гибридные формы продвижения, в которых прямые обещания подменяются намеками, эмоциональными рассказами, «историями успеха» и псевдонаучными формулами. Подобные сообщения нередко формально соответствуют требованиям закона, но выполняют внушающую функцию и влияют на решения граждан. С точки зрения юрислингвистической экспертизы такие тексты требуют тщательного семиотического анализа, поскольку манипулятивный эффект обусловлен не столько содержанием отдельных утверждений, сколько общей структурой сообщения и его прагматической направленностью. В этих условиях все более очевидной становится необходимость совершенствования правового регулирования, способного охватывать суггестивные формы рекламы, формально лишённые ложных сведений, но создающие у потребителей искаженные ожидания и завышенные представления о результатах.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема регулирования оккультной, парамедицинской и иной деятельности, основанной на суггестивном воздействии, носит универсальный характер и в той или иной форме возникает в правовых системах большинства современных государств. В странах общего права (США, Великобритания) деятельность лиц, позиционирующих себя как «целители», как правило, подпадает под действие общих норм о мошенничестве, а также норм законодательства о защите прав потребителей, которое устанавливает ответственность за заведомо ложные и неподдающиеся проверке обещания. Правовые системы ряда европейских государств континентального права (Германии, Франции, Австрии) опираются преимущественно на институт незаконного занятия медицинской практикой, при котором ключевым квалифицирующим признаком выступает не содержание даваемых обещаний, а создание видимости профессиональной компетентности. Российский подход занимает промежуточную позицию: с одной стороны, право стремится ограничить незаконную медицинскую деятельность, с другой – оставляет пространство для «неверифицируемых» услуг, не относимых к медицине. Это подтверждает актуальность выводов А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской о необходимости поиска баланса между свободой убеждений и защитой граждан от злоупотреблений [Жалинский, Козловская 2006: 60–64.].

Наиболее серьезной проблемой правоприменения остается доказывание факта внушения и его роли в формировании у потерпевшего ошибочного представления о реальности. В российской судебной практике оценка речевых действий подозреваемого нередко ограничивается фиксацией отдельных фраз, что не позволяет выявить динамику воздействия, характер эмоционального давления и степень когнитивного искажения. Между тем судебная практика по резонансным делам, в том числе по делу Г. П. Грабового, показывает, что внушающее воздействие

формируется через последовательное усиление эмоциональной зависимости потерпевших и демонстрацию «уникальных знаний» [Нагорная 2011: 257–261]. Отсюда вытекает необходимость комплексной лингвистической экспертизы, ориентированной не только на анализ конкретных высказываний, но и на реконструкцию коммуникативной ситуации в целом: жанровых особенностей текста, социокультурных ожиданий адресата, речевой роли исполнителя. Такой подход обеспечивает более точную юридическую оценку действий лжецелителей и позволяет выявлять признаки злоупотребления доверия даже тогда, когда обман не выражен в форме прямых ложных утверждений.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере должно опираться на междисциплинарное понимание природы внушения и манипуляции. С одной стороны, уголовное право нуждается в более детальной регламентации способов совершения мошенничества, охватывающих манипулятивные формы воздействия, основанные на суггестии и создании семантических ловушек. С другой стороны, требуется развитие профилактических механизмов: информирование потребителей о рисках обращения к нетрадиционным практикам, формирование стандартов прозрачности подобных услуг, внедрение элементов саморегуляции в сфере психологической и духовной помощи. В ряде зарубежных стран уже функционируют государственные реестры специалистов, допущенных к оказанию психологической помощи или терапевтических услуг, а нарушение установленного порядка регистрации влечет административную либо уголовную ответственность. Отсутствие аналогичных инструментов в российском законодательстве оставляет значительное пространство для злоупотреблений и осложняет противодействие лжецелительству.

Важным направлением развития является институционализация юрислингвистической экспертизы как самостоятельной формы специальных знаний, используемых в уголовном процессе. Суггестивные практики требуют анализа, выходящего за рамки традиционной лингвистики, поскольку необходимо учитывать когнитивные, психологические и прагматические параметры коммуникации. В этом контексте юрислингвистическая экспертиза способна выявить не только формальные признаки обмана, но и структуру внушения: стратегию конструирования угрозы, способы формирования зависимости, характер эмоционального давления. Такой подход позволяет суду установить действительный смысл речевых действий обвиняемого, даже если они представлены в завуалированной форме. В совокупности эти шаги создают предпосылки для повышения эффективности правоприменения и укрепления защиты граждан от манипулятивных практик при сохранении баланса между свободой выражения мнений и необходимостью предотвращать злоупотребления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что речевые стратегии лжецелителей образуют комплексную систему манипулятивного воздействия, в которой суггестия играет определяющую роль, влияя как на содержание коммуникации, так и на поведение адресата. Анализ лингвистических, психологических и правовых параметров показал их многоуровневый характер: лжецелители не ограничиваются прямым обманом, а конструируют замкнутое семантическое пространство, в котором адресат утрачивает способность к критической оценке происходящего. Такая искусственно созданная когнитивная среда позволяет манипулятору целенаправленно эксплуатировать эмоциональные и экзистенциальные уязвимости, что ведет к утрате самостоятельности решений и формированию зависимого поведения. Юрислингвистический анализ показывает, что ключевое значение имеет именно структура внушения: чередование тревожащих и «успокаивающих» элементов, использование псевдонаучной терминологии, ритуализация общения, формирующие совокупность семантических ловушек, запускающих механизм доверия, необходимый для последующего причинения имущественного вреда.

Сопоставление теоретических моделей речевой манипуляции с судебной практикой позволило выделить устойчивый коммуникативный алгоритм, характерный для лжецелителей: создание угрозы или проблемы, придание ей псевдопрофессиональной интерпретации, предложение единственно возможного «решения», связанного с передачей денежных средств. Эта схема не только подтверждает манипулятивную природу воздействия, но и подчеркивает необходимость оценивать коммуникацию в динамике, а не по отдельным фрагментам. В условиях суггестивного взаимодействия традиционное понимание обмана как единичного ложного утверждения оказывается недостаточным: юридически значимым становится сам процесс формирования у потерпевшего искаженной картины реальности. В этом контексте особую роль приобретает комплексная юрислингвистическая экспертиза, способная реконструировать структуру внушения, оценить степень психологического давления и установить связь между вербальными действиями и имущественным ущербом.

Научная и практическая значимость проведенного анализа состоит в обосновании необходимости совершенствования правового регулирования, способного охватывать внушающие практики, маскируемые под оккультные, психологические или «духовные» услуги. Уголовное законодательство, ориентированное на классическую модель обмана, должно учитывать современные формы манипуляции, основанные на сложных дискурсивных техниках и эксплуатации эмоциональной уязвимости граждан. Перспективным представляется закрепление нормативных критериев, позволяющих рассматривать суггестивное воздействие как один из способов совершения мошенничества, а также развитие профилактических механизмов, включая повышение медиаграмотности и информирование населения о рисках взаимодействия с псевдоспециалистами. В конечном счете юрислингвистическая конвергенция – сочетание правовых и лингвистических инструментов анализа – обеспечивает комплексный подход к оценке таких деяний, позволяя одновременно защищать граждан и соблюдать конституционные свободы. Систематическое включение результатов юрислингвистических исследований в правоприменительную практику может стать существенным ресурсом в борьбе с мошенническими практиками и укреплении правовой безопасности общества.

Литература

- Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции / Право и политика. – 2025. – № 8. – С. 1–18.
- Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
- В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов за обман почти 40 клиентов. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/>.
- Дело осужденной «целительницы», лечившей рак водой из-под крана, вернули в суд первой инстанции. URL: <https://pravo.ru/news/view/66007/>.
- Ерофеев К. Б. «Магические услуги»: правовой анализ / Евразийская адвокатура. – 2013. – № 3. – С. 89–93.
- Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг / Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 60–64.
- Кара-Мурза Е. С. Лингвосемиотические аспекты законодательной и деонтологической регуляции рекламы / Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 163–175.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М., 2004.
- Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 142–152.
- Копнина Г. А. Речевое манипулирование учебное пособие. 2-е изд. М., 2008.
- Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012.
- Месропян Л. М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
- Михалева О. Л. Политический дискурс специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
- Мишланов В. А. Языковые и речевые признаки манипулятивных текстов / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 203–216.
- На Кубани лжецелительницу посадили на 2,5 года за мошенничество на 500 тыс. рублей. URL: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-lzhetselitelnitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej>.
- Нагорная И. И. Дело Г. П. Грабового: конституционная легитимность приговора / Правовая система как элемент устойчивого развития субъекта РФ: сборник трудов конференции. Сыктывкар, 2011. – С. 257–261.
- Нагорная И. И. Магия, гадание, целительство: уголовно-правовая охрана прав граждан / Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы развития: сборник трудов конференции. М., 2011. – С. 197–199.
- Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 216–221.
- Осипов Б. И. Речевое мошенничество — вид уголовного преступления? / Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 182–186.
- Парасуцкая М. И. Проблема юридикации речевой манипуляции и суггестии / Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 6. – С. 69–70.
- Порческу Г. В., Бабушкина Л. Е., Милкова А. Н. Языковые средства суггестивного воздействия в рекламном тексте / Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход. М., 2024. – С. 166–212.
- С целителем Грабовым чуда не произошло. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516>.
- Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг / Образование и право. – 2019. – № 5. – С. 171–175.
- Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1. – С. 136–141.
- Суд утвердил приговор «целительнице», обещавшей снять порчу и вернуть любовь. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html.
- Худышкина Е. А. Речевое воздействие в контексте религиозного дискурса социальной сети / Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 5-2. – С. 92–95.

References

- Asadov, R. B. (2025). Law and language: Axiological and cognitive dimensions of jurilinguistic convergence. *Law and Politics*, 8, 1–18 (in Russian).
- Belyaeva, I. V. (2009). The phenomenon of speech manipulation: Linguistic and legal aspects (Doctoral dissertation in Philology). Rostov-on-Don (in Russian).
- A group of fake psychics convicted in Moscow for defrauding nearly 40 clients. Available from: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/> (in Russian).

- The case of a convicted "healer" who treated cancer with tap water returned to the court of first instance. Available from: <https://pravo.ru/news/view/66007/> (in Russian).
- Erofeev, K. B. (2013). "Magical services": A legal analysis. *Eurasian Advocacy*, 3, 89–93 (in Russian).
- Zhalinskiy, A. E., Kozlovskaya, A. E. (2006). On the possibility of legal regulation of occult service activities. *Journal of Russian Law*, 11, 60–64 (in Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2008). Linguosemiotic aspects of legislative and deontological regulation of advertising. *Jurislinguistics*, 9, 163–175 (in Russian).
- Kara-Murza, S. G. (2004). *Manipulation of consciousness: A textbook*. Moscow (in Russian).
- Katermina, V. V., Safronova, T. S. (2017). Mechanisms of suggestive influence in legal discourse. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 16(3), 142–152 (in Russian).
- Kopnina, G. A. (2008). *Speech manipulation: A textbook (2nd ed.)*. Moscow (in Russian).
- Lopashenko, N. A. (2012). *Offenses against property*. Moscow (in Russian).
- Mesropyan, L. M. (2014). *Aggressive speech manipulation in the jurislinguistic perspective (Candidate of Philology dissertation)*. Rostov-on-Don (in Russian).
- Mikhaleva, O. L. (2009). *Political discourse: The specifics of manipulative influence*. Moscow (in Russian).
- Mishlanov, V. A. (2007). Linguistic and speech markers of manipulative texts. *Jurislinguistics*, 8, 203–216 (in Russian).
- A fake healer in Kuban sentenced to 2.5 years for defrauding victims of 500,000 rubles. Available from: <https://kuban24.tv/item/na-kubani-lzhetselitel'nitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej> (in Russian).
- Nagornaya, I. I. (2011). The case of G. P. Grabovoy: Constitutional legitimacy of the verdict. In *The legal system as an element of sustainable development of a constituent entity of the Russian Federation: Conference proceedings*. Syktyvkar, 257–261 (in Russian).
- Nagornaya, I. I. (2011). Magic, fortune-telling, healing: Criminal-law protection of citizens' rights. *Economics, Sociology, Law: New Challenges and Prospects for Development: Conference proceedings*. Moscow, 197–199 (in Russian).
- Osipov, B. I. (2007). Speech manipulation and speech fraud: Similarities and differences. *Jurislinguistics*, 8, 216–221 (in Russian).
- Osipov, B. I. (2000). Is speech fraud a type of criminal offense? *Jurislinguistics*, 2, 182–186 (in Russian).
- Parasutskaya, M. I. (2009). The problem of the juridification of speech manipulation and suggestion. *World of Science, Culture, Education*, 6, 69–70 (in Russian).
- Porchesku, G. V., Babushkina, L. E., Milkova, A. N. (2024). Linguistic means of suggestive influence in advertising texts. In *Professional communication in a multilingual space: An interdisciplinary approach*. Moscow, 166–212 (in Russian).
- No miracle happened with healer Grabovoi. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516> (in Russian).
- Salaev, Z. R. (2019). On the method of fraud involving the provision of occult and psychological services. *Education and Law*, 5, 171–175 (in Russian).
- Safronova, T. S. (2017). Features of suggestive influence in prosecutors' opening statements (based on English-language material). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 6–1, 136–141 (in Russian).
- Court upholds sentence for "healer" who promised to remove a curse and restore love. Available from: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html (in Russian).
- Khudyshkina, E. A. (2015). Speech influence in the context of religious discourse on social networks. *Tauride Scientific Observer*, 5–2, 92–95 (in Russian).

Citation:

Асадов Р. Б. Юрислингвистическая конвергенция и семантические ловушки суггестивного воздействия лжецелителей // Юрислингвистика. – 2026 – 39. – С. 82-90.

Asadov R. B. (2026) Jurilinguistic Convergence and Semantic Traps of Suggestive Influence Used by Fraudulent Healers. *Legal Linguistics*, 39, 82-90.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
